

Если бы они следовали первоначальной договорённости, то не только поле для цуцзюй пришлось бы отдать, но и им самим пришлось бы кланяться перед Академией и извиняться!

Как могла Стража вынести такое унижение?

— Ну что за поле для цуцзюй? Возьмите его, — махнул рукой Ли Сяо, делая вид, что проявляет великодушие. — Мы даже поможем вам разобрать стену, это вполне достаточно, правда?

— Спасибо, брат Сяо, — Хэ Чжиян прищурился и улыбнулся, затем прямо сказал. — Но я помню, что в нашем пари был ещё один пункт, касающийся именно тебя?

Ли Сяо сразу же нахмурился:

— Что ты ещё хочешь?

— Что я могу хотеть? — Хэ Чжиян лениво приподнял глаза. — Я просто хочу научить тебя, как снова стать человеком!

Ли Сяо застыл, стиснув зубы. Он никак не ожидал, что Академия действительно сможет победить Стражу, и уж тем более не думал, что Хэ Чжиян будет так настойчив, вынуждая его отвечать перед всеми.

Хэ Чжиян, видя, что тот долго молчит, улыбнулся и посмотрел на Ли Цзи:

— Видимо, важные люди склонны забывать. Ничего, мы, как братья Стражи, напомним. Ли Цзи, напомни брату Сяо.

Ли Цзи сразу же согласился и чётко произнёс:

— Если Стража проиграет матч, брат Сяо должен будет немедленно поклониться перед Академией и извиниться!

Хэ Чжиян скрестил руки на груди, беззаботно улыбаясь, и смотрел на Ли Сяо, словно ожидая его действий.

Ли Сяо несколько раз менялся в лице, его дыхание участилось, а щёки покраснели, но он так и не двинулся с места.

Конечно, он помнил договорённость о том, что должен будет поклониться перед Академией.

Но в последние годы Стража была настолько высокомерна, что даже после вступления в правительство они не кланялись мелким чиновникам.

Проиграть один матч по цуцзюй и заставить Сотенного командира поклониться ученикам Академии?

Это было слишком унижительно...

— Как насчёт моего друга? Брат Сяо, давай разберёмся? — Хэ Чжиян косо посмотрел на него, торопя. — Говорят, Стража всегда держит слово? Неужели у вас нет даже такой ответственности?

Один настаивал, другой не хотел уступать, и оба лагеря застыли на месте, атмосфера стала напряжённой.

Холодный голос раздался издалека, мгновенно прервав противостояние:

— Ли Сяо, если проиграл, то признай поражение. Стража уже проиграла матч, неужели ты хочешь ещё и запятнать нашу репутацию?

Ли Сяо поднял глаза и увидел, что к ним приближается Цяо Юэ. Его лицо изменилось, и он поспешно сказал:

— Тысячник, я...

Он явно не ожидал, что Цяо Юэ встанет на сторону Академии, и, стиснув зубы, не нашёл, что сказать. В конце концов, он смиренно опустился на колени и поклонился.

Ученики Академии едва сдерживали радость, а Хэ Чжиян поднял бровь и потребовал:

— А мой друг?

Ли Сяо сжал кулаки, стоя на коленях, и сквозь зубы произнёс:

— Ли Сяо несколько дней назад повёл себя неподобающе и оскорбил вас. Приношу свои извинения, надеюсь, вы не будете держать зла.

Не дожидаясь реакции, он резко встал и, с мрачным лицом, ушёл.

После этого матча многие из Стражи начали смотреть на Академию с уважением, но в такой ситуации они не решались подойти, только украдкой посмотрели на Хэ Чжияна и поспешно разошлись.

Сюй Ицин выглядел несколько растерянным, словно не мог вынести взглядов окружающих, и робко прижался к Хэ Чжияну.

— Ты заслужил это, — Хэ Чжиян погладил его по голове и шепотом сказал. — Не бойся, они теперь не посмеют обижать Академию.

Цяо Юэ стоял в стороне, не говоря ни слова, но, увидев эту сцену, неожиданно схватил Хэ Чжияна за воротник и потащил его за собой:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Тысячник, если у тебя есть вопросы, просто спроси, — Хэ Чжиян, которого на глазах у всех схватили за воротник, был явно не в духе. — Ты что, допрашиваешь преступника? Или в Страже принято так грубо обращаться с людьми? Просто так хватать за плечи!

Цяо Юэ то и дело хватал его за воротник или обнимал за плечи, словно Хэ Чжиян был младшим братом. Как главарь Академии, он не хотел терпеть такое отношение!

— Это твои правила, брат Чжиян? — Цяо Юэ медленно улыбнулся. — Я запомнил, но все мои действия были по долгу службы, ничего личного.

Цяо Юэ всегда был холодным и высокомерным, но сейчас, объясняя это Хэ Чжияну, он выглядел странно.

Хо Яо нахмурился и встал между ними:

— Между Стражей и Академией, конечно, только служебные отношения. Мы не смеем претендовать на что-то большее. Тысячник, мы устали после двух матчей... Пойдём переоденемся, а вы делайте что хотите!

Сказав это, он, не обращая внимания на Цяо Юэ, схватил Хэ Чжияна за руку и поспешил уйти.

Цяо Юэ смотрел на слегка прихрамывающую фигуру Хэ Чжияна, вспоминая столкновение во время матча.

Тот удар был действительно сильным, и, если не обработать рану, завтра лодыжка опухнет.

Сейчас Хэ Чжиян мог бегать и прыгать, и казалось, что всё в порядке.

Но нужно было вовремя наложить мазь, иначе боль будет невыносимой.

Эти юноши из Академии... Хм, они мастера писать стихи и подкалывать друг друга, но кто из них разбирается в медицине?

Кто подумает о том, чтобы сразу же разогнать кровь в травмированном месте?

Пан Ин, видя, что Цяо Юэ смотрит вдаль, спросил:

— Тысячник?

Цяо Юэ оторвал взгляд и покачал головой:

— Пошли.

Они шли молча, и Пан Ин решил, что Цяо Юэ расстроен из-за поражения, и с возмущением сказал:

— Тысячник, не переживай, мы обязательно вернём себе победу!

Цяо Юэ оглянулся, глядя на закат, и образ юноши, бегущего вперёд, запечатлелся в его сердце.

— Иди вперёд, — Цяо Юэ задумчиво сказал. — Я забыл плащ, нужно вернуться в раздевалку.

Пан Ин протянул руку, колеблясь:

— Тысячник... Хэ Чжиян только что пошёл в раздевалку, может, вам лучше избежать встречи?

Цяо Юэ равнодушно ответил:

— А зачем мне его избегать?

Он просто проиграл матч, неужели теперь должен стыдиться?

Пан Ин, видя, что Цяо Юэ неправильно понял, поспешно добавил:

— Не из-за цуцзюй. Я хочу, чтобы ты был осторожен с ним, потому что...

Пан Ин покраснел и почесал подбородок:

— Хэ Чжиян, хм, он ведь не такой, как мы...

Цяо Юэ посмотрел на него:

— Что?

— Тысячник, подумай, кто ещё мог придумать такой способ тебя наказать, да ещё и пил с юношей-куртизаном, — Пан Ин, с трудом подбирая слова, наконец сказал. — Если у него действительно есть склонность к мужчинам, нам лучше держаться подальше.

Хэ Чжиян написал любовное письмо Цяо Юэ, конечно, из чувства мести.

Пан Ин понимал это.

Но... Как бы то ни было, письмо было настоящим, правда? И Цяо Юэ прочитал его слово за словом, верно?

В прошлый раз, когда они его ловили, Хэ Чжиян ещё и наговорил Цяо Юэ всякого, и неизвестно, сколько из этого он запомнил...

— Он мог придумать такой способ, значит, его мысли нечисты, — Пан Ин, не замечая, как взгляд Цяо Юэ становится мрачнее, нахмурился. — И посмотри, как он заботится о Сюй Ицине. Возможно, этот матч он устроил ради него. С такими людьми лучше не связываться.

У них нет таких наклонностей, и лучше держаться подальше, чтобы не было проблем.

Цяо Юэ молчал, и в его голове вдруг всплыл образ Хэ Чжияна, играющего с мячом на солнце.

Юноша наклонил голову, и солнце очертило красивую и гибкую линию его шеи.

В столице такие нравы, и такой красивый и одарённый юноша вполне может иметь склонность к мужчинам...

Тогда кто придумал этот способ с любовным письмом? Почему Хэ Чжиян сам написал его?

Если у Хэ Чжияна действительно есть такие наклонности, как говорит Пан Ин, то... раз он написал мне любовное письмо, даже если это было наказание, значит, он хотя бы не испытывает ко мне отвращения...

Цяо Юэ задумался и, не дожидаясь, пока Пан Ин опомнится, развернулся и пошёл в раздевалку.

В комнате было мало людей, Хэ Чжиян стоял спиной, присев у скамьи, и, похоже, менял обувь.

Его обтягивающая рубашка слегка задралась, обнажая часть талии.

Цяо Юэ смотрел на это с мрачным выражением, подошёл и остановился позади Хэ Чжияна.

Юноша был в потной рубашке, сквозь которую просвечивалась кожа, и вокруг него витала атмосфера юношеской дерзости.

Цяо Юэ скрестил руки на груди и внезапно пнул Хэ Чжияна носком ботинка в задницу.

Она была упругой, гораздо мягче, чем мяч для цуцзюй.

В общем, приятные ощущения.

Хэ Чжиян, не ожидая такого, резко обернулся, уже готовый выплеснуть злость, но замер:

— Цяо Юэ?

<http://bllate.org/book/16783/1543410>